СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ | SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»
660041, Красноярский край, г. Красноярск, проспект Свободный, д. 79
телефон: (391) 244-82-13, тел./факс: (391) 244-86-25
http://www.sfu-kras.ru, e-mail: office@sfu-kras.ru
ОКПО 02067876; ОГРН 1022402137460; ИНН/КПП 2463011853/246301001

_____ № _____
на № _____ от _____

УТВЕРЖДАЮ
Врио проректора по учебной работе
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»
Наталия Анатольевна Козель
_____
«__» апреля 2025 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертационную работу Лукашина Александра Александровича «Доказательственное значение результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой в цивилистическом процессе», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

Диссертация выполнена на кафедре гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Новизна основных научных результатов и их значимость для науки и практики

Представленная А.А. Лукашиным диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Доказательственное значение результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой в цивилистическом процессе» представляется весьма актуальным – как в теоретическом, так и прикладном отношении – научным исследованием важнейших аспектов судебного познания и судебного доказывания, связанных

с вовлечением специальных знаний в формах, которые до настоящего времени не имеют законодательной квалификации, но практическая потребность в которых давно назрела. Специальные знания для целей правосудия перестали быть частностью, они активно проникают в повседневные правовые отношения, абсорбируется ими, – и процессуальные отношения не стали исключением. Расширение сферы использования специальных знаний в цивилистическом процессе – естественная закономерность, требующая научного осмысления и квалификации. Именно данным проблемам посвящена диссертация А.А. Лукашина.

Проблемы, связанные с использованием в цивилистическом процессе специальных знаний, не раз становились предметом фундаментальных научных исследований; интерес к ним в доктрине постоянен. Это обусловлено их значением для достижений целей правосудия и эффективной реализации права на судебную защиту. Значение специальных знаний в различных формах не ограничивается только традиционной доказательственной сферой – есть все основания утверждать, что они становятся самостоятельным элементом справедливого судебного процесса. Однако законодатель не спешит идти в ногу с новыми потребностями, оставаясь в деле регламентации форм использования специальных знаний на достигнутом в XX веке (лишь скромно и без дифференциации добавив в процессуальные кодексы XXI века специалиста). Вместе с тем, практика широко использует иные, не регламентированные законом, формы специальных знаний, среди которых выделим несудебную экспертизу; получают распространение рецензии сведущего лица на результаты экспертизы, результаты ответа на запрос специализированного арбитражного суда, консультации и заключения специалиста вне процессуальной формы. Все это требует научной квалификации, что представляется имеющим законотворческую перспективу. Названные обстоятельства и обусловливают актуальность и новизну представленной к защите диссертации.

Диссертационное исследование А.А. Лукашина – оригинальное научное исследование проблем доказательственного значения результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой в цивилистическом процессе, имеющих для цивилистического процессуального права теоретическое и прикладное значение.

Целью диссертационного сочинения А.А. Лукашина явилось установление концептуальной возможности использования результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой в доказывании по делам, рассматриваемым в цивилистическом процессе, а также определение надлежащей процессуальной формы таких правовых явлений в качестве средств доказывания (с. 8 дисс.). Для достижения данной цели диссертантом поставлен ряд задач, именно: определить цели, преследуемые участниками цивилистического процесса, при использовании результатов процессуальной деятельности сведущих лиц; установить признаки процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста; определить содержание понятия «результаты применения специальных знаний с неопределенной правовой природой» в цивилистическом процессе; провести анализ различных видов внепроцессуальной экспертизы, определить доказательственное значение их результатов и предложить возможное правовое регулирование; определить допустимость использования рецензии на заключение эксперта и ее доказательственное значение; дать правовую квалификацию ответа на запрос специализированного арбитражного суда (с. 8-9 дисс.).

Анализ диссертации доказывает, что сформулированные А.А. Лукашиным задачи в целом успешно решены, а поставленная цель – достигнута.

Структура работы отвечает задачам и общей цели исследования. Научная новизна в наибольшей степени выражается в выносимых на защиту положениях, отражающих основные результаты предпринятого А.А. Лукашиным исследования (с. 11-15 дисс.).

В диссертации последовательно анализируются правовое регулирование существующих форм использования специальных знаний в цивилистическом

процессе России (с. 18-99 дисс.); исследуется доказательственное значение результатов несудебной экспертизы (с. 100-184 дисс); определяется доказательственное значение рецензии на заключение эксперта (с. 185-205 дисс), ответа на запрос специализированного арбитражного суда (с. 206-217 дисс.).

Автор умело оперирует нормативными, доктринальными и правоприменительными источниками, научным арсеналом и современной методологией.

Главное достижение диссертанта – выработка общего научного взгляда на использование различных форм специальных знаний для целей судебного доказывания в цивилистическом процессе России.

Автор весьма обстоятельно обращается к характеристике особенностей использования специальных знаний для целей правосудия, верно подчеркивая единство понятия судебного доказательства (с. 11-12, 39, 66 и др. дисс.), значение традиционных отрицательных критериев понятия «специальные знания» (с. 41 дисс.), недопустимость т.н. «правовой экспертизы» (с. 31, 35-37 дисс.). Категория «специальные знания» в работе правильно определяется через «научные знания» (у автора – «имеющие научную основу профессиональные знания», – с. 27, 41 и др. дисс.) и связывается с требованиями цивилистической процессуальной формы, конституирующими специальные знания как процессуальную категорию (с. 43-44, 45, 47, 48-50, 67-68, 112 и др. дисс.). Это позволило диссертанту соотнести судебную экспертизу и формы участия специалиста (с.48-52, 55-57, 60-63, 64, 112 дисс.) и сделать вывод о том, что консультация специалиста является судебным доказательством (с. 55, 82, 98 дисс.).

К заслуге диссертанта следует отнести стремление выделить юридические признаки процессуальной формы заключения судебного эксперта и консультации специалиста (с. 65, 68-69, 70-72, 84-85, 97-98 и след. дисс.). Поддержим суждение о необходимости единого подхода в процессуально-правовом регулировании как формы заключения эксперта (с. 74 и след. дисс.), так и форм участия специалиста (с. 76-77, 98 дисс.).

Бесспорную научную ценность имеет центральный компонент представленной к защите диссертации – исследование феномена несудебной экспертизы (с. 100-184 дисс.) как непроцессуального явления (с. 132-133, 134 и след. дисс.). Представляются аргументированными предложения автора о совершенствовании ст. 188 ГПК РФ (с. 117 дисс.), правил ФЗ «Об исполнительном производстве» относительно форм использования специальных знаний (с. 118-123 дисс.). Поддержим критическое суждение диссертанта о т.н. «альтернативных экспертизах» (с. 128-130 дисс.). Подчеркнем важность юридической квалификации результатов несудебной экспертизы, чему в работе уделено отдельное внимание (с. 134-160 дисс.); при этом верно, несмотря на отдельные противоречия, квалифицирующим критерием называются элементы процессуальной формы (напр., с. 149-150 и др. дисс.).

Совершенно обоснованно диссертант приходит к выводу о необходимости самостоятельного правового регулирования заключения несудебной экспертизы (с. 163 и след. дисс.); заслуживают внимания авторские суждения относительно возможных элементов законодательного регулирования такого заключения (с. 177, 180, 182 и след. дисс.).

Самостоятельную ценность представляет попытка исследования сущности рецензии на заключение эксперта и его возможного доказательственного значения (с. 187, 189, 191, 202 и след. дисс.), – правда, мы бы не торопились придавать ему значение самостоятельного средства доказывания.

Не менее важным и актуальным является определение правовой природы ответа на запрос специализированного арбитражного суда (с. 208-216 дисс.). Согласимся, что ответ на запрос СИП может быть источником доказательственной информации (с. 212 дисс.), а лицо, его подготовившее, может быть вызвано в суд в качестве специалиста (с. 217 дисс.).

Рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации

В целом представленная к защите диссертация характеризуется творческим подходом; имеет комплексный характер; положения и выводы диссертации в большинстве своем аргументированы. Результаты диссертационного

исследования А.А.Лукашина могут быть использованы в развитии теории судебного познания и судебного доказывания; они имеют значение для совершенствования судебного правоприменения и выработки правоположений в области использования специальных знаний как в процессуальной, так и в непроцессуальной формах.

Считаем целесообразным продолжить работу в направлении исследования несудебной экспертизы и ее результатов, иных непроцессуальных форм специальных знаний, что важно не только для практики судебного правоприменения в доказательственной сфере, но и в целом – для решения общей задачи обеспечения справедливого судебного процесса.

Общие замечания

Вместе с тем, ряд положений диссертации вызывает замечания; не со всеми суждениями можно согласиться.

1. Отдельным положениям диссертации не хватает законченной юридической квалификации.

Так, представляется избыточным выделение самостоятельной категории «доказательственное значение» как некоей потенциальной возможности «получения из определенных источников сведений о фактических обстоятельствах дела без определения надлежащей процессуальной формы таких сведений» (положение № 1, выносимое на защиту, с. 12 дисс.). Квалифицирующего смысла в этом нет; умножать сущности без нужды не следует.

В тезисе о том, что «вопрос об обоснованности включения знаний правового характера в содержание категории «специальные знания» должен решаться по-разному, в зависимости от направления, в котором такие знания применяются», (с. 12 дисс.; ср. также с. 29-30, 33, 83 дисс.), отсутствует юридический критерий. И кстати, предоставление специалистом знаний об иностранном праве – легитимированный способ установления содержания нормы иностранного права, но не способ добывания судебного доказательства, не форма «специальных знаний».

Полагаем методологической ошибкой придавать категории «цель» квалифицирующее значение, что порой ведет к противоречиям. Например: с одной стороны, утверждается, «что использованию специальных знаний как разновидности процессуальной деятельности… не присуща особая цель» (с. 64 дисс.), с другой – констатируется, «что знание конкретной цели использования специальных знаний… не только выступает необходимым условием повышения эффективности правового регулирования процессуальной деятельности сведущих лиц, но также является важным для решения вопроса о допустимости использования внепроцессуальных средств достижения этих целей» (с. 64-65 дисс.). – Однако цель любой деятельности, как доказано в теории деятельности, лежит за пределами самой деятельности. Квалифицирующим критерием, различающим виды деятельности, является функция и методы, ее воплощающие.

2. Положительно оценивая аргументы диссертанта о консультации специалиста как судебном доказательстве, все же заметим: тезис этот (с. 13 дисс.) не нов. Вывод о консультации специалиста как судебном доказательстве и необходимости самостоятельной регламентации в процессуальном законе двух форм участия специалиста делался издавна разными исследователями (напр., А.Р.Шляхов, 1979, В.Г.Тихиня, 1983, Т.В.Сахнова, 1997, 1999); эта проблема обсуждалась и при создании ГПК РФ 2002 года (кстати, возражений относительно закрепления в законе двух форм по существу не было – были лишь сомнения, не вызовет ли дифференциация затруднения в практике правоприменения).

То же замечание – относительно положения № 8 (с. 14-15 дисс.): в доктрине неоднократно констатировалось, что результаты несудебной экспертизы не могут быть уравнены с письменным доказательством и что доказательственный статус результатов несудебной экспертизы должен быть определен законодательно (напр., Т.В. Сахнова, 1999; с. 71-85).

3. Критерием разграничения судебной и несудебной экспертизы является не отсутствие/наличие некоей «связи проведенного исследования с конкретным

гражданским делом» (с. 13, 102, 103 и др. дисс.), а цивилистическая процессуальная форма, которая, бесспорно, должна соблюдаться при рассмотрении каждого дела – здесь и сейчас; критика выработанных в доктрине критериев разграничения судебной и несудебной экспертизы (с. 101 дисс.) представляется неубедительной. Полагаем неудачным определять несудебную экспертизу «как специальное исследование, проведенное не в рамках конкретного гражданского процессуального правоотношения, возникшего между судом и иными участниками процесса в связи с рассмотрением конкретного гражданского дела» (с. 103 дисс.). Определение любого явления через отрицание, а не через учет сущностных признаков, неубедительно; ввод в понятие неустойчивых (дискуссионных) элементов – в данном случае единого процессуального правоотношения по рассмотрению дела – еще более подрывает его.

4. Верно обращаясь к процессуальной форме как конституирующему элементу, автор, думается, необоснованно «разрывает» само понятие судебного доказательства и процессуальную форму (см. с. 66, 68-70, 98, 99 дисс.). Сведения о фактах суть содержание судебного доказательства, средства доказывания – их внутренняя форма; порядок получения из надлежащего, имеющего правовой статус источника, – внешняя форма. Следование этому выработанному алгоритму избавило бы от многих противоречий.

Так, предупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения – элемент именно процессуальной формы, конституирующей сведущее лицо как судебного эксперта; все остальное – ср., напр., с. 80-82, 111, 168 дисс. – суть сопутствующие «эффекты». Поэтому верно, что возможность применения мер государственного принуждения в отношении эксперта еще не гарантирует достоверность результата исследования (с. 81 дисс.), – однако на с. 143 диссертации читаем иное: «проведение частно-инициативной экспертизы в отсутствие возможности применения в отношении эксперта мер государственного принуждения и публичной ответственности создает определенные риски получения

недостоверного результата исследования». Внутренне противоречивы тезисы: (1) «заключение внепроцессуальной экспертизы и рецензия на заключение эксперта»… «вполне могут соответствовать по внешней процессуальной форме заключению эксперта» (с. 98 дисс.) – (2) «заключение внепроцессуальной экспертизы и рецензии на заключение эксперта не приобретают процессуальной формы заключения эксперта и консультации специалиста» (с. 99 дисс.). Этого можно было бы избежать, не «удваивая» и не разрывая единое понятие гражданской процессуальной формы.

И, конечно же, недостоверность заключения несудебной экспертизы исключает возможность его использования в качестве судебного доказательства – вопреки утверждаемому в диссертации на с. 143. И напротив, соблюдение процессуальной формы судебной экспертизы – важнейшая гарантия достоверности ее результатов – в противовес суждению автора на той же странице диссертации. Повторная экспертиза назначается именно вследствие несоответствия заключения эксперта требованиям процессуальной формы – полноты исследования, обоснованного и объективного заключения по поставленным вопросам (ч.1 ст. 85 ГПК РФ).

5. Диссертант подошел, думается, к пониманию возможности и необходимости процессуального регулирования проведения судебной экспертизы, обращаясь, в частности, к вопросу о праве участвующих в деле лиц присутствовать при проведении экспертизы (с. 87-91, 93 дисс.), однако дальше констатации существующего правила не пошел (одновременно полагая экспертизу схожей с осмотром на месте – с. 89 дисс., с чем согласиться нельзя). Вместе с тем, в континентальном праве есть примеры успешного процессуального регулирования проведения судебной экспертизы, прав судебного эксперта и присутствующих при экспертизе заинтересованных лиц (например, во Франции). Было бы уместным проанализировать такой опыт, который представляется крайне актуальным.

6. Автором не уяснена суть экспертизы как исследования в сопоставлении с юридической квалификацией ее результатов – отсюда отождествление

профессиональной оценки фактов специальной природы, даваемой экспертом в его выводах (ответах на вопросы суда), с профессиональным мнением сведущих лиц (с. 151, 153, 154 дисс.). В ходе экспертизы устанавливаются факты специальной природы (без этого нет исследования), которые в отрыве от профессиональной оценки их экспертом, доказательственного значения иметь не могут. Вывод эксперта – это именно профессиональная оценка выявленных экспертом специальных фактов, а для суда такой вывод является доказательством (сведениями о фактах, имеющих значение для дела). Противопоставления, как полагает диссертант на с. 154, в этом нет, а непонятое им могло быть снято ознакомлением с другими работами цитируемого диссертантом автора.

7. Представляются несколько противоречивыми суждения относительно природы несудебной экспертизы и ее результатов. Автор на с. 162-163 диссертации соглашается с общепринятым в доктрине, что такие заключения неверно относить к письменным доказательствам или к иным документам. Однако диссертант не прав, полагая, что заключение несудебной экспертизы – вещественное доказательство (с. 164 дисс.). Полагаем, большее внимание следовало уделить пониманию исследования и его элементов как главной сущностной характеристики экспертизы (в работе этому уделен один абзац на с. 169 дисс.). Вопреки утверждаемому (см. с. 171-172, 176 дисс.), полагаем возможным привлечение в процесс лица, проводившего несудебную экспертизу, – иначе во многом теряется смысл признания результатов несудебной экспертизы самостоятельным доказательством, а позиция автора о том, что «бремя разъяснения содержания заключения и ответов на возникающие у суда и других лиц, участвующих в деле, вопросов возлагается на лицо, представившее заключение» (с. 176 дисс.), de facto превращает такие результаты в элемент содержания объяснений стороны (по образцу немецкой концепции о показаниях сведущих лиц). Одновременно в работе предлагается заключение непроцессуальной экспертизы именовать заключением эксперта (с. 181-184 и след. дисс.) – тем самым легитимируется «эксперт» как субъект процесса.

8. Полагаем, было бы актуальным, исследуя использование в цивилистическом процессе специальных знаний с неопределенной правовой природой, обратиться к анализу зарубежного континентального опыта – в частности, концепции «сведущих свидетелей», «частного экспертного заключения» (Германия, Австрия), «констатаций» (Франция). Потребность в решении задач посредством таких форм специальных знаний есть и у нас – однако институциональная квалификация может быть иной. Такой анализ, бесспорно, был бы интересен и в доктринальном, и в прикладном аспектах.

Вместе с тем, сделанные замечания не умаляют значения и общей положительной оценки диссертационного исследования.

Заключение

Диссертация, подготовленная А.А.Лукашиным, представляет собой законченное научное исследование, лично выполненное диссертантом, содержащее решение актуальной задачи в области цивилистического процесса, которое имеет теоретическое и практическое значение.

Автореферат диссертации верно и полно отражает основные положения и выводы диссертации.

По теме диссертации опубликовано 10 научных статей (из них – 5 в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук); результаты исследования апробированы участием диссертанта с докладом на 7 международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Результаты диссертационного исследования, представленного А.А. Лукашиным, отвечают критерию достоверности.

Диссертация А.А. Лукашина «Доказательственное значение результатов применения специальных знаний с неопределенной правовой природой в цивилистическом процессе» является завершенной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение актуальной научной задачи в области цивилистического процесса и которая в полной мере соответствует требованиям

пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а ее автор, Лукашин Александр Александрович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).

Отзыв подготовлен доктором юридических наук, профессором Т.В. Сахновой, обсужден и одобрен на заседании кафедры гражданского процесса ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» «15» апреля 2025 года (протокол № 9).

Заведующий кафедрой гражданского процесса, доктор юридических наук, профессор (специальность 12.00.03 – гражданское право, семейное право, гражданский процесс, международное частное право) _____ Татьяна Владимировна Сахнова

ФГАОУ ВО СФУ
Подпись Сахновой заверяю
Делопроизводитель
«24» 04 2025 г.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ